

Раздел II

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ И РЕГИОН: СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Т. Я. Каменецкая
г. Екатеринбург

Роль музея Ф. М. Решетникова в создании единого литературного пространства (Н. А. Некрасов и Ф. М. Решетников)

Творчество Ф. М. Решетникова позволяет говорить об интертекстуальных связях, пересечениях прозы писателя с художественными произведениями его предшественников и современников. Данное взаимодействие прослеживается на уровне сюжета, мотивов, образной системы, характерных принципов создания художественной речи («Свой хлеб» / «Что делать?», «Отцы и дети»; «Заседатель» / «Ревизор»). Экспозиция музея Ф. М. Решетникова располагает материалами, отражающими литературный контекст, в который вписывается творчество уральского писателя, и экспонатура косвенно свидетельствует о едином художественном пространстве, выходящем за границы провинциального литературного процесса. Книги, письма, фотографии, имеющиеся в музее, воплощают визуальный ряд, и это необходимая основа для рассказа о Решетникове как о писателе не провинциального ряда, о его творчестве, отражающем общие тенденции второй половины XIX в.¹

¹ Издания книг писателей XIX в. (Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский); журналы «Современник» (1864), «Отечественные записки» (1867, 1868, 1870), «Русское слово» (1865); «История России в XIX веке» (1907), «История русской литературы» (1915); переписка Ф. М. Решетникова с Н. А. Некрасовым (1865, 1868), Н. В. Шелгуновым, Г. Е. Благосветловым, В. С. Курочкиным; портреты писателей М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. А. Слепцова, А. И. Левитова, Н. В. Успенского, Н. Г. Помяловского.

В данной работе мы рассматриваем одно произведение Ф. М. Решетникова, представленное в экспозиции музея, — роман «Где лучше?». Этот роман является ключевым звеном в ряде мероприятий, проходящих в музее. Среди последних методических разработок — театрализованный урок-спектакль по роману и лекция, включающая в себя сравнительно-сопоставительный анализ романа с поэмой Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Для старшеклассников лекция и инсценировка фрагментов могут быть объединены в одно мероприятие. В этом синтезе реализуется музейная установка на отражение единого литературного пространства, в котором значимое место занимают и Н. А. Некрасов, и Ф. М. Решетников. В настоящей работе приводятся основные параллели, показывающие некое единство на различных уровнях двух художественных произведений.

Поэму «Кому на Руси жить хорошо» и роман «Где лучше?» Н. А. Некрасов и Ф. М. Решетников начинают писать с разницей в три года: поэму — с 1863 г., роман — с 1866 г. О тождественности данных произведений говорить не приходится, но ряд моментов, касающихся замысла и художественного воплощения, сближают прозу и поэзию, позволяют отметить внутренние пересечения, смысловую схожесть. Оба произведения отражают процессы, происходившие в России после отмены крепостного права. Как справедливо отмечает К. И. Чуковский, «весь поставленный в этой поэме вопрос — кому на Руси жить хорошо — нельзя не признать маскировкой подлинной некрасовской темы: как глубоко несчастлив народ, облагодетельствованный крестьянской реформой» [10, с. 10]. Ф. М. Решетников также пишет о судьбе простых людей, и, как говорит исследователь его творчества И. И. Векслер, писатель «осуществил свое намерение рассказать о вольных горнорабочих» [2, с. 417]. «Решетников первым ввел в русскую литературу рабочий класс, стал выразителем его сознания на раннем, допролетарском этапе становления» [3, с. 10].

В оценке рабочего вопроса Решетников опирался на очерки и статьи своего времени [6, 9], а также на свой личный опыт: известно, что писатель сам работал на заводах. Векслер отмечает, что Решетников в романе отражает общие закономерности, характерные для уральской действительности: «Реформа сократила на заводах число рабочих и выбросила из заводов нерентабельный человеческий состав заводских команд. В результате в крупных центрах Урала — в Екатеринбурге,

Перми и пр. — скапливались массы отставленных горняков, и безработица вызывала новую волну движения. Этой волной и начинается “Где лучше?”» [2, с. 419].

Ключевой вопрос, определяющий ход событий, вынесен в заглавие и в поэме, и в романе. Он становится лейтмотивом, поэтическим или прозаическим вопрошанием, адресованным разным людям. И у Некрасова, и у Решетникова искомый вопрос в контексте художественных произведений обретает различную форму и содержание:

У Некрасова вопрос задается в двух основных значениях:

1. Действительно направлен на узнавание счастливых («Кому живется весело, / Вольготно на Руси» [5, с. 397]; «Эй, Нет ли где счастливого?» [Там же, с. 440]; «Да в чем же ваше счастье?» [Там же, с. 442]).

2. Вопрос как отрицание счастья, некое утверждение несчастья («Солдаты шилом бреются, / Солдаты дымом греются, / Какое счастье тут?» [Там же, с. 408]; «Чего вы тут расхвастались / Своим мужицким счастьем? — / Кричит, разбитый на ноги, / Дворовый человек» [Там же, с. 445]).

У Решетникова смысловое ядро, вопрос «Где лучше?», также обретает неоднозначные трактовки, в числе которых или утверждение лучшего, или утверждение обратного.

Первое значение актуализируется в начале поисков героями счастья, в тот момент, когда в каждом живет надежда на будущее. Постепенно к персонажам приходит разочарование. Так, Пелагея Прохоровна отправляется в путь с мыслью «Искать доброе место — где лучше!» [7, с. 13]. В такой постановке вопроса заключается некоторая уверенность в том, что это лучшее есть. Последующие события романа развенчивают надежды героини, и восклицательный знак превращается в вопросительный, при этом вопрос становится риторическим, не предполагающим ответа. И в случае с Горюновым вопрос «Где лучше?» с развитием сюжета становится отчаянным вопрошанием героя к самому себе и несет в себе значение утверждения безысходности. Когда, к примеру, Горюнов работает на золотых приисках и не обретает тех благ, к которым стремится, то в его сознании этот вопрос встает в ряду других, становится синонимичным вопросам «Что же делать?», «Неужели идти назад?» [Там же, с. 114].

Одним из основных ответов на вопрос «Где лучше?» в романе Решетникова становится потеря жизни, и вопрос продолжается отчаянным — «там лучше» [Там же, с. 262]. Повествователь через точку зрения героев-рабочих выражает авторскую позицию, понимание бессмысленности и обреченности человека в этом мире. В тексте подобные выводы

становятся следствием увиденного рабочими в больнице: «...рабочий человек, видящий постоянно, что больные из больницы поступают прямо на кладбище, смотрит на больных с великим сожалением, много думает о прошедшем, примиряется с жизнью и желает себе смерти, думая: а ведь там лучше? По крайней мере, не знаешь, что будет завтра, там ничего не чувствуешь» [7, с. 263]. Будущее представляется настолько беспросветным, бесприютным, что отсутствие всяческой возможности движения вперед (а значит — в никуда) и становится выражением «лучшего» для рабочего, находящегося в Петербурге.

В одной версии о лучшей жизни Некрасов и Решетников сходятся: по свидетельству Н. К. Михайловского, «Некрасов хотел кончить поэму “Кому на Руси жить хорошо” иронически-скорбным ответом: “хмелю»» [4, с. 22]. В пользу данного вывода свидетельствуют воспоминания Г. Успенского. Писатель передает свой разговор с Некрасовым, и тот на вопрос о возможном счастливице сказал: «Пья-но-му». По замыслу автора поэмы, мужики, «не найдя на Руси счастливого, возвращаются к своим семи деревням. Деревни эти “смежны”, стоят близко друг от друга, и от каждой идет тропинка к кабаку. Вот у этого-то кабака встречаются они спившегося с кругом человека, “подпоясанного лычком”, и с ним, за чарочкой, узнают, кому жить хорошо» [8, с. 179–180].

У Решетникова в тексте романа подобный замысел реализуется, рабочие заходят в питейное заведение и приходят к мысли о счастливой жизни именно кабатчика: «Кабатчику лучше, вот особливо ему. <...> В самом деле, братцы, в кабаке лучше!» [7, с. 265]. Кабацкая жизнь, как счастливая, в романе Решетникова ставится на одну ступень с другой трактовкой: лучшая жизнь — «могила» [Там же, с. 266].

Однако финал романа настраивает на иной лад, и смерти (как забытья от алкоголя или физического угасания) противопоставлена жизнь. Не случайно в заглавии ставится глагол «жить». Главные герои, Петров и Короваев, приходят к пониманию лучшего, и для них это жизнь: «Часто они задавали друг другу вопрос: где лучше? — перебирали жизнь в разных местах и приходили к тому заключению, что человек создан для того, чтобы самому добывать пропитание, а так как человеку нужно для этого немного, то он был бы вполне доволен и спокоен, если бы его не обижали те, которым хочется жить в свое удовольствие» [Там же, с. 290]. Данные выводы вполне укладываются в концепцию бытия самого автора, так что его герои становятся выразителями собственно авторской точки зрения.

У Некрасова выразителем авторских интенций становится Гриша Добросклонов. Данный образ интерпретируется литературоведами

в революционном свете, сближается с Рахметовым; как пишет Б. Бухштаб, это «новые люди», которые счастливы тем, что посвящают себя другим. По Некрасову, считает исследователь, «счастливые есть на Руси, это друзья народа, которые скромно работают для его блага... в легальной поэме он не мог бы описать деятельность революционеров, а мог бы лишь намекать на нее» [1, с. 131]. Революционный пафос в создании Некрасовым «счастливого человека» Добросклонова очевиден, в то время как у Решетников революционный настрой в подтексте, это внутренняя борьба каждого с самим собой, со своими возможностями и способностями.

Для некрасовских путников изначально ясен «список» возможных счастливых, и практически каждый «потенциальный» кандидат априори обладает меткой характеристикой, достраивающей его образ: «купчина толстопузый», «боярин вельможный», «министр государев» (в этом ряду только поп и царь остаются без надстройки). Однако реальных «кандидатов» в счастливые оказывается намного больше, ими становятся Яким Нагой [5, с. 436]; «дьячок уволенный», «старуха старая, рябая, одноглазая» [Там же, с. 441]; «солдат с медалями», «каменотес олончанин, плечистый, молодой», Ермил Гирин [Там же, с. 442]; помещик Гаврила Афанасьевич [5, с. 459]; Матрена Тимофеевна [Там же, с. 474]; «Савелий, богатырь святорусский» [Там же, с. 496]; Утятин князь [Там же, с. 548]. По мере узнавания «счастливых» идет развенчание их счастья, и единственный, близкий к подобному определению Гриша Добросклонов появляется лишь в финале поэмы.

У каждого некрасовского «счастливого» несчастливая история жизни. И эту историю странники узнают различными путями: или от самого героя, или от свидетелей его «счастья», или автор-повествователь в своей речи пересказывает «счастливые» факты жизни, от чего появляется определенная степень иронии. Понятие счастья обретает различные формы, поскольку выражается различными субъектами, однако авторское отношение наиболее очевидно в ремарках повествователя. Появляется, к примеру, в поэме счастливая героиня, она сама себя таковой считает и думает, что ее счастье заключается в том, что «по осени у нее родилось реп до тысячи на небольшой гряде» [Там же, с. 441]. Ремарка повествователя, сопровождающая данный образ, определенно снижает значимость подобного счастья. Во-первых, дается отнюдь не счастливый портрет: «старуха старая», «рябая, одноглазая» [Там же]. Во-вторых, точка зрения героини в речи повествователя вводится заведомо не соответствующим

глаголом: «объявила», «что счастлива она», «что у нее по осени родилось реп до тысячи» [5, с. 441].

О мужиком «счастье» Якима Веретенникова сначала рассказывают крестьяне, затем речь ведет сам Яким, и подобная, дублирующая, точка зрения лишь усиливает восприятие жизни героя как несчастливой. Крестьяне характеризуют его следующим образом: «Яким, старик убогенькой, / Живал когда-то в Питере, / Да угодил в тюрьму» [Там же, с. 437]. Подобное начало их рассказа определенно не свидетельствует в пользу Якима, и дальнейшее повествование лишь продолжает линию отрицания счастья героя.

Несчастливые истории возможных счастливых в некрасовскую поэму внедряются отдельными фрагментами (в диалоге) или составляют целые главы. Так, глава отводится помещику Гавриле Афанасьевичу Оболту-Оболдуеву [Там же, с. 459–474]. Герой отвечает странникам на их вопрос долгим монологом, и его речь условно включает в себя две части: прошлое, сопряженное с радужными, счастливыми для помещика мгновениями, и настоящее, отражающее пустоту и ненужность помещика. Счастье для помещика — это признание его именитого рода, «почет» [Там же, с. 464], «твои поля кругом» [Там же, с. 465], «прислуги целый полк» [Там же], «охота псовая» [Там же, с. 467]. В том времени, в котором происходит встреча со странниками, счастье для помещика отсутствует, и его идиллические воспоминания, коими он так увлекается и начинает в них верить как в явь, прерываются, и повествователь подчеркивает эти перепады своими ремарками: «помещик закручинился», «осеклась речь помещичья», «потупился, нахмурился» [Там же]. Рыдания помещика в финале его пламенной речи выглядят фарсом, поскольку его «счастье» воспринимается не ему подобными, а простыми мужиками, теми, кого в свое время он «карал любя» [Там же, с. 468].

Многие из возможных «счастливых», с которыми встречаются некрасовские странники, — собирательные образы, однако Савелий («богатырь святорусский»), Матрена Тимофеевна («прозвали губернаторшей») в большей степени индивидуализированы, их «история жизни» трагична, читатель сопереживает этим героям, проникается их несчастьем. Эта персонализация, выход на единичную судьбу, сближает стилистические подходы Некрасова и Решетникова. Герои обоих писателей наделяются своей фразеологической точкой зрения, обретают свое «слово», и в прямой речи или через дискурс повествователя отражают авторскую позицию.

Вместе с тем «счастливыми» у Некрасова нарекаются персонажи, отличные от странников, и те оказываются лишь связующим звеном в поиске истины. У Решетникова индивидуализируются судьбы самих «странников»: персонажи на собственном опыте испытывают невзгоды «лучшей», как они считают, жизни. Волнующий их вопрос становится стимулом для реализации их собственных сил и возможностей.

В роли некрасовских «семи мужиков, семи временнообязанных» спорщиков у Решетникова оказываются пять человек, так или иначе связанных с заводом, — отставной мастеровой Тереньевского горного завода Терентий Горюнов; его племянница, мастерская вдова Пелагея Прохорова Мокроносова и ее братья — Григорий и Панфил Горюновы; столярный мастер Короваев.

У каждого персонажа своя судьба, свой мотив отправиться на поиски счастья. Если Некрасов в подтексте дает мотивацию «странничества», прикрепляя к каждому персонажу географическую область с «говорящим» названием (странники из деревень «Заплатово», «Дырявино», «Разутово», «Знобишино» и т. д.), то Решетников дает ретроспективу, обращается к прошлому героев, тем самым актуализируя личную судьбу каждого из них.

Проследим путь жизни двух главных персонажей романа — Терентия Горюнова и Пелагеи Прохоровны, их поиски отражают жизненные искания многих во времена Решетникова, показывают возможности «лучшей жизни» в то время для мужчины и женщины.

У истоков странничества в романе стоит Терентий Горюнов, с него начинается и повествование в красноречивой главе «История путников». Подобно персонажу из повести «Подлиповцы», Пиле, он решает оставить свой дом во имя надежды на лучшую жизнь, и другие персонажи идут за ним, хотя у каждого впоследствии оказывается своя дорога. «Здесь сколько хошь живи, ничего не наживешь...» — с такими мыслями Горюнов уходит искать счастье [7, с. 12]. В прошлом остался завод, на котором он слыл за чудака [Там же, с. 8], лишился лошади с телегой [Там же, с. 12], у него отняли дом и умерла жена. Горюнов отправляется в путь, движимый вопросом «Где лучше?», и первая его остановка — золотые прииски.

Однако надежды не соответствуют реальности. В XV главе говорится о стремлениях Горюнова, он «предполагал забрать какой-нибудь прииск в руки, то есть сначала оглядеться, расположить рабочих к себе, познакомиться с раскольниками... и потом самому сделаться доверенным» [Там же, с. 99]. XVI глава по контрасту показывает печальный исход

чаяний Горюнова, его разочарование в, казалось бы, найденном, лучшем пути в жизни. Теперь он ставит перед собой уже другой вопрос: «Но где же лучше?» [7, с. 114]. Повествователь переходит на точку зрения героя, и в своей речи передает его тяжкие думы: «Теперь у Горюнова исчезли все мечты о забрании в свои руки прииска. Он ясно понимал, что попал в ежовые рукавицы и должен будет работать на тех же, которых он считал своими товарищами и в руках которых находились прииски» [Там же].

Следующий этап в поисках Горюнова — железная дорога. И снова в повествование внедряется понятие «лучше», и первоначально без знака вопроса: «Горюнов сообразил, что там ему будет лучше, именно потому что он будет находиться вблизи больших городов» [Там же, с. 139]. Решетников через восприятие Горюнова показывает невозможные условия работы на железной дороге: «Работа не прекращалась на рельсах ни днем ни ночью, ни в дождь, ни в град... кормили всех скверными щами, хлеб недопеченый... на железной дороге праздников нет» [Там же, с. 144, 145]. В итоге Горюнов попадает в больницу, у него крадут заработанные деньги, он остается ни с чем. Герой тяжело переживает свою неустроенность в жизни: вместо приобретений — одни потери. Автор проникается горем своего персонажа и доверяет ему самому выразить свою обиду (при этом повествователь как будто отстраняется): «И черт же меня сунул сюда, прости господи! — ворчал Горюнов. — Купил бы я на родине дом, устроил бы постоялый двор... Нет! Жадность поганая!» [Там же, с. 147].

Провинция Горюнову приносит лишь несчастья, и единственным выходом герою представляется Петербург. В столице герой открывает питейное заведение, но не в кабаке он видит лучшую жизнь. На вопрос «Где лучше?» он отвечает: «Богатому человеку везде хорошо, а бедному везде плохо. На том свете, должно быть, лучше» [Там же, с. 290]. Разочарованным путником является Горюнов в финале романа, хотя и находит себе дело, но от него сплошные убытки, и опять все тот же мотив: лучшая жизнь где-то есть, но не рядом. Судьба Горюнова показательна, и его поиски отражают мытарства рабочих после отмены крепостного права. Воля порождает в людях смятение, вопрос о лучшей жизни становится естественным следствием пробуждения сознания. Однако обстоятельства, в которых оказывается вольный человек, не сулят ему ничего хорошего и тем более — лучшего.

В центре романа судьба Пелагеи Прохоровны Мокроносовой. Ее поиски ответа на вопрос «Где лучше?» в определенной степени становятся решающими в постижении истины. Для Решетникова в принципе характерно через призму женского сознания решать столь сложные

вопросы («Свой хлеб», «Кумушка Мирониха», «Прокопьевна», «Тетушка Опарина»). Для романа писатель выбирает тип сильной женщины, той, которая несмотря ни на что не останавливается, продолжает искать «свой хлеб». Только физическое умирание становится причиной остановки. Как пишет И. Дергачев, «внимание и уважение» Решетникова к судьбе Пелагеи Прохоровны «легко объясняется самостоятельностью женщины в семьях мастеровых уральских горных заводов» [3, с. 14].

Историю жизни Пелагеи Прохоровны автор начинает с ее замужества, этот период в повествовании обозначается как «хороший» [7, с. 11], далее идет потеря — муж, писарь Мокроносов, умирает, и начинается новая жизнь, которая и определяет основную ось сюжета романа. Героиня вместе с дядей, Терентием Горюновым, отправляется на поиски счастья. В истоке своих поисков она зависима от других, она — «племянница», которая идет за дядей. «Дядя с собой зовет», — говорит она, объясняя свое стремление уйти из города. В первой части романа рассказывается о ее буднях в провинции, как она то работает на солеварне, то от безденежья торгует ягодами, никак не может найти эту «лучшую жизнь». Образ Пелагеи Прохоровны изначально романтизируется, вводится личная драма: героине глубоко симпатичен, близок некий Короваев, но они не могут быть вместе, их разлучает бедность, каждый отправляется искать себя, лучшую жизнь.

Испытания Пелагеи Прохоровны впереди, автор приберегает их для второй части романа, в которой одним из героев становится Петербург. Он враждебен своим жителям, а в романе — героям, и становится губительным для Пелагеи Прохоровны. Сначала она работает кухаркой, затем прачкой, обвиняется в воровстве, попадает в больницу. Решетников погружает свою героиню в нечеловеческие условия, и это касается как рабочего пространства, так и бытовых условий. Пелагея Прохоровна живет в «убогой комнате», в которой кровать опирается не на ножки, а на деревянный ящик [Там же, с. 250], если выходит на набережную, то обязательно «дует ветер», «холодно», «везде грязь» [Там же, с. 249]. Она не доживает до лучшей жизни, финал ее исканий — могила. Но, несмотря на реалистичность, с которой автор описывает страдания своей героини в Петербурге, ее образ обретает сентиментальные очертания: и в этой части вводится любовная линия, которая, однако, теперь уже не связана с Короваевым. Новый возлюбленный Пелагеи Прохоровны — мастеровой Петров. Можно предположить, что лучшая жизнь для героини Решетникова связана с обретением ею личного счастья. Автор выступает здесь

как тонкий психолог, поскольку выражает женскую точку зрения на понимание лучшей жизни.

Решетников, как и Некрасов, стремится по-разному ответить на искомый вопрос и, говоря современным языком, актуализирует гендерный фактор в восприятии действительности, показывает реальность с мужской и женской точки зрения.

Данные произведения сближает введение «вставных историй» — песен, играющих роль подтекста. Песни у Некрасова символичны, показывают переход от одного восприятия жизни к другому: от «горького времени и горьких песен» [5, с. 580] к «доброму времени и добрым песням» [Там же, с. 612]. Миссия Добросклонова сложить новую песню, и, по его мысли (и, следственно, автора), это ему удастся: «Удалась мне песенка! / <...> не все же им / Песни петь унылые» [Там же, с. 622].

В романе Решетникова песни также играют значимую роль, однако они не несут в себе той революционной нагрузки, того возрожденческого пафоса, как у Некрасова, их функция в выражении внутренней речи, отражающей мироощущение несчастливых людей. Показательной оказывается песня женщин, работающих на солеварне, в ней они передают свою боль от «тяжелого промыслового житья», из которого выход только одна «быстрая реченька» [7, с. 39]. Для этой песни характерна фольклорная стилистика традиционных лирических песен (героиня расстается с «милым дружочком»), но в ней также очевидна смысловая нагрузка современного Решетникову времени: не пускают «несчастную рабу» «злые люди-лиходеи», которые «ей про волюшку и об милom и думать не велят» [Там же, с. 39].

Некрасов отражает в песнях и прошлое, и будущее, для Решетникова же новая жизнь еще не становится материалом к сложению счастливых песен, его песни выражают горестное настоящее.

Внутреннее пресечение произведений Некрасова и Решетникова происходит на лексическом уровне, и это касается не только рассматриваемых в данной работе произведений. Цикл рассказов Решетникова, отражающий жизнь бедных людей, называется «Забытые люди» (в одной из редакций — «забытые люди»), у Некрасова подобный эпитет используется в том же контексте в его поэме. В речи Гриши Добросклонова появляется такое высказывание: «Помогай, о боже, им! / Как с игры да беганья щеки разгораются, / Так с хорошей песенки духом поднимаются / Бедные, забытые» [5, с. 622]. «Забытые», «забытые» люди описываются обоими писателями, однако Некрасов более решителен в этом вопросе, революционен, а Решетников акцентирует внимание на самом феномене

«забытия», исследует причины возникновения таких людей, показывает их условия существования, и ответ на вопрос «Где лучше?» для «забытых людей» несет в себе сугубо личностные, человеческие решения.

Итак, в данной работе мы приводим лишь основные позиции, позволяющие сравнивать и сближать произведения Ф. М. Решетникова и Н. А. Некрасова. Сопоставительный анализ показывает единство литературного пространства, близость тем, идей, художественных способов создания реальности для писателей второй половины XIX в. Уральская действительность оказывается созвучной столичной, и пути выражения авторской мысли, будь то в прозе или в стихах, очевидно, пересекаются. Музей создает условия для изучения произведений известных классиков в контексте уральской литературы и, наоборот, способствует интерпретации уральской литературной жизни на общероссийском уровне.

-
1. *Бухитаб Б. Н. А. Некрасов: проблемы творчества.* Л., 1989.
 2. *Векслер И. И.* [Вступ. ст.] // Решетников Ф. М. Полн. собр. соч. : в 6 т. Свердловск, 1939. Т. 4.
 3. *Дергачев И.* Книги и судьбы. Свердловск, 1973.
 4. *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. СПб., 1908. Т. 7.
 5. *Некрасов Н. А.* Стихотворения и поэмы. М., 1975.
 6. *Орлова А.* Заметки о быте рабочих людей в Богословском округе // Перм. губ. ведомости. 1863. № 31, 2 авг.
 7. *Решетников Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 6 т. Свердловск, 1939. Т. 4.
 8. *Успенский Г. И.* «Кому на Руси» (Письмо в редакцию) // Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 6.
 9. *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1869. Ч. 3, гл. 2.
 10. *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова. М., 1971.